

ОЗЕРО – 7

В феврале месяце на льду Ладожского озера в лыжном походе затерялись трое студентов ленинградского государственного университета – два парня и девушка. Один из ребят учился на химическом факультете другой на геологическом, на третьем курсе кафедры геофизики. Девушка студентка филфака, начитавшись художественной литературы о покорителях Арктики и Антарктики, уговорила ребят отправиться в опасный лыжный поход по льду Ладожского озера во время студенческих каникул. А зимняя Ладога в феврале не хуже Арктики – туманы, вьюги, торосы.

Когда родители хватились ребят и организовали поиски, то вначале никак не могли определить маршрут студентов, так как они шли не за славой и, поэтому, ни кому не рассказали о своем походе. В начале февраля по городской радиотрансляции несколько раз передавали обращения к населению, с просьбой сообщить любые сведения о трех студентах, отправившихся в лыжный поход в Ленинградской области. Их искали в разных местах, высылая в предполагаемые районы мобильные спасательные отряды. И, наконец, к середине февраля выяснилось, что ребята пошли на Ладогу. Стал известен состав группы и запасы питания. В целом у ребят имелось неплохое снаряжение – широкие туристские лыжи, спальные мешки, сани, палатка и три надувных резиновых матраса. К моменту начала поисков продукты у студентов уже должны были закончиться при самом экономном режиме питания.

Их маршрут тоже быстро вычислили и частично проследили: выйдя на лед в районе Осиновца, студенты отошли от берега на десять километров к Востоку, затем повернули на Север и, пройдя около ста километров,

достигли широты Приозерска. В это время юго-западный ветер сдвинул массу ладожского льда к северо-востоку, и между путешественниками и берегом образовалась меридиональная трещина около километра шириной. Тут ребята сделали неверный ход и попытались обойти ее с Севера, но только зря потеряли время, натолкнувшись на поля битого льда. Тогда они двинулись назад по своему маршруту, прошли еще около семидесяти километров, но коварная трещина завернула на Восток почти к центру озера. К этому времени ребята сильно устали, так как прошли около двухсот километров и у них давно закончились продукты. Перед ними по-прежнему зияла километровая трещина. Только безмолвные ладожские льды слышали их последние разговоры.

Студент, который учился на геологическом факультете, был сыном директора Научно-исследовательского физического института (НИФИ) Ленинградского государственного университета и его отец организовал на льду масштабные поиски. Штаб спасателей размещался в здании института. Одна из руководителей штаба Лариса Васильевна Зеленкова сразу обратилась к геологам за помощью, так как несколько раз выезжала в экспедиции с отрядами нашего факультета.

Из сотрудников Научно-исследовательского института земной коры при геологическом факультете сформировали поисковую группу. В нее вошли три геофизика – инженеры Ильин Юрий Тимофеевич, Юра Микляев и Коля Штерн, а также минералог Сергей Соколов и я – научный сотрудник кафедры «Геологии и поисков месторождений радиоактивных элементов».

Командиром выбрали Микляева. На военной кафедре ленинградского университета Соколов и я получили радиостанцию Р-105. Юрий Тимофеевич, в то время уже

кандидат геолого-минералогических наук, был среди нас самым старшим и мудрым. Он взялся изготовить сани, для транспортировки снаряжения, установив на две короткие лыжи ажурный каркас из стального уголка.

Директор института профессор Владимир Александрович Мейер на неделю освободил нас от работы. Он пришел и лично проверил, как мы готовимся к поискам. Снаряжением обеспечили геофизики. Вместо спальных мешков решили использовать лётные костюмы, подбитые цигейкой, посчитав, что в них можно спать прямо на льду, а также немецкую двухместную палатку, газовую плитку и пятилитровый газовый баллон. На спортивной кафедре нам выдали примитивные «солдатские» лыжи с полужесткими креплениями. Для питания взяли несколько банок тушенки и сгущенного молока, оставшиеся от летних экспедиций. В штабе нам также дали несколько плиток шоколада и тубики с таблетками глюкозы. Заядлый рыбак Микляев захватил с собой карту глубин Ладожского озера и ледобур, в надежде немного порыбачить. Юра Ильин долго ворчал по поводу совершенно ненужных вещей. Но Микляев вел себя как настоящий командир, который знает, что делает. Порыбачить Юре не удалось, но ледобур неожиданно пригодился.

Розысками пропавших на озере занимались несколько поисковых групп: туристы мастера спорта, ленинградские альпинисты и скалолазы, спортсмены лыжники и еще три группы спасателей. На озере работали шесть радиостанций, и наша Р-105 с позывными «Озеро-7» стала седьмой. Радиостанциями все поисковые группы снабдила военная кафедра ленинградского университета.

Отчаявшийся отец нашего студента, организовавший поиски, надул сто с лишним красных воздушных шариков, к которым привязал тубики с таблетками глюкозы. Их

разбросали с вертолета на лед Ладожского озера вдоль предполагаемого маршрута пропавших студентов. Если ребята еще живы и ползут по льду, то, быть может, заметят эти красные шарики и глюкоза поддержит их силы. А в сопроводительных записках сообщалось, что их ищут. За две недели поисков мы так и не встретили ни одного красного шарика с привязанным тубиком глюкозы.

Сначала, мы не понимали, почему ребят не могут быстро найти с вертолетов, но, оказалось, что надо льдом постоянно стоит дымка. Вскоре мы убедились в этом сами, когда вертолет пролетал над нашими головами и не видел даже горящие фальшфейеры.

Рано утром университетский автобус отвез нас на аэродром малой авиации Ржевка, построенный в роковом сорок первом году. Тогда на нем базировались советские истребители, защищавшие ленинградское небо. Загрузились в вертолет и после нас внутрь затолкали несколько мешков с провиантом для поисковых групп, находящихся на льду.

Наклонившись вперед носом, как собака ищейка, Ми-4 мчался над Синявинскими высотами. Внизу проносились засыпанные снегом дачные домики и унылые перелески. Холодная и неприветливая земля. А во время Великой Отечественной войны именно здесь находился мертвый узел блокадной петли, три года душившей голодом Ленинград.

К Северо-востоку, куда мы летели, высоты переходили в Синявинские болота. Через редколесье, в котором угадывалась сеточка каналов старых торфоразработок, на Восток пробирались две группы лосей. За ними, безнадежно утопая в рыхлом снегу, тащилась пара волков. Дикие, нехоженые просторы. Но под снегом, в промороженной торфяной земле лежали не

погребенные останки многих тысяч людей. Одни – «цивилизованные и демократичные» европейцы пришли сюда, чтобы грабить эту землю, убить миллионы, а остальных сделать своими рабами. И нашли здесь свою смерть.

Другие ценой своей жизни трижды прорывали смертельное кольцо и также остались лежать в гнилых торфяниках вместе с тоннами осколков, тысячами неразорвавшихся мин, снарядов и бомб. И сейчас эта земля, за которую было заплачено так дорого, лежала внизу пустынная, промерзшая и никому, на первый взгляд, не нужная.

Вертолет пролетел над южным берегом Ладожского озера, прошел над маяком острова Сухо и взял курс на Север. Развернувшись над полями торошенного льда, машина пошла на Запад, повернула на Юг, зависла около палаточного лагеря спасателей, и штурман сбросил на лед мешки с провиантом. Затем вертолет сделал пару кругов над другим платочным лагерем на льду, и я окончательно потерял ориентировку.

– Микляев, спроси штурмана, куда мы летим? – обратился Сергей к командиру.

Юра пробрался к штурману и тот стал что-то горячо объяснять, показывая рукой вверх и в сторону. Микляев спросил еще раз, потом согласно кивнул и, вернувшись к нам, признался:

– Ничего не понял, ни слова.

Вертолет заложил вираж и пошел на посадку.

– Геологи, выгружайтесь, – закричал штурман, когда машина прочно встала на колеса.

Быстро скинули на лед снаряжение и выпрыгнули сами. По команде штурмана отбежали от винта, и борт

взлетел. Заложив на прощание вираж над местом посадки, машина взяла курс на Юг.

Мы остались на льдине растерянные и озадаченные. Пронизывающий северный ветер обжигал лица и, несмотря на плотные меховые костюмы, стал выгонять из нас тепло. Струи поземки, извиваясь, как стая змей, ползли по гладкому льду. В отдалении виднелась гряда невысоких торосов. Дальше все тонуло в дымке.

– Самое главное, мы не знаем своё местоположение, – озадаченно произнес командир.

– Микляев, давай, бури лунку, – с едва скрываемой насмешкой сказал Юрий Тимофеевич.

– Зачем? – опешили Микляев.

– Не зря же мы тащили ледобур, он поможет нам сориентироваться.

Микляев пробурил лунку. Толщина льда оказалась около метра. По азимуту ноль пробурили еще три лунки, и, по перепаду глубин, Микляев определил на карте наше местоположение. Вычислили азимут на маяк, на котором располагалась базовая рация с позывными «Берег-1».

– Вот что значит карта глубин, – возгордился Микляев. – а то, как бы мы определились. И ледобур сгодился.

Мы с Сергеем растянули лучевую антенну длиной в сорок метров, сориентировали ее на маяк и подвесили на лыжных палках на высоте одного метра. Установили связь, но слышимость на телефон оказалась плохой, а иногда и вообще пропадала.

Тогда я, наконец, вспомнил, как на военной кафедре подполковник рассказывал нам о приемах работы с этой рацией: один конец лучевой антенны, надо поднять у радиостанции на высоту 5-6 м над землей, а другой, постепенно снижающийся, направить на корреспондента.

При этом дальность связи увеличивается до 25 км. Наконец слышимость стала на пять баллов.

Из саней соорудили экран, защищавший от пронизывающего ветра, и установили газовую плитку, чтобы вскипятить чай, перекусить и устроить совет. Я набил полный котелок снега, чтобы растопить и вскипятить воду для чая.

– Чтобы нагреть литр воды от нуля до ста градусов, надо затратить ровно сто килокалорий, – Микляев забрал у меня котелок и высыпал из него снег, – а для того чтобы растопить килограмм льда или снега при температуре минус десять градусов тепла нужно почти столько же. Так что энергии и времени понадобится вдвое больше, – Юра кружкой набрал из лунки полный котелок воды. Лунки оказались весьма кстати.

– А для того чтобы испарить литр воды, тепла надо – в пять раз больше, – заметил Коля Штерн.

«Геофизики знают все», – не без сарказма подумал я.

После чая решили сразу начать поиски. Если ребята еще живы, то следовало торопиться. Наметили поисковые маршруты. Микляеву предстояло идти на Юг, минералогу Сергею и Коле Штерну на Запад и на Восток, а мы с Ильиным отправлялись соответственно на Северо-восток и Северо-запад. Договорились вернуться через два часа к вечернему сеансу радиосвязи. Над кучей снаряжения водрузили красный флаг, чтобы издалека увидеть нашу стоянку.

И тут оказалось, что у нас всего четыре компаса на пять человек. Три геологических компаса взяли геофизики, а я захватил свой маршрутный жидкостной компас для спортивного ориентирования. Мне подарили его немецкие студенты из Фрайбергской горной академии, когда я

проводил у них учебную геологическую практику в Карелии. Но все равно без компаса остался Сергей.

– А как я буду ориентироваться в такой дымке, – обиделся он, – как найти дорогу назад?

– Из опыта туристов следует: «если ветер дует в лицо, ты идешь в нужном направлении», – пошутил я

– А если ветер дует в спину? – не понял юмора Сергей.

– Значит, ты идешь не в ту сторону.

Как маршрутный геолог я лучше всех ориентировался на местности, и свой компас мне пришлось отдать Сергею.

– Ориентиры всегда можно найти, – авторитетно заявил я, – нужно лишь быть внимательным.

– Солнца не видно, и как ты будешь определять страны света в густом тумане, – ухмыльнулся Юрий Тимофеевич, – нам не придется тебя искать?

– Смотрите, от постоянного северного ветра гребни застругов направлены на Юг, а на поверхности плотного снега образовались меридиональные бороздки. По ним и можно ориентироваться.

Мы разошлись в разные стороны.

В нескольких километрах по своему маршруту я встретил гряду торосов высотой до пяти метров. Дальше на Севере виднелись еще несколько гряд. Вероятно, они образовались при столкновении ледовых полей на широтном колене той километровой трещины, которую нам показали на космических снимках. Вздыбленные глыбы льда, казалось, светились изнутри изумрудно-зеленым светом. Первый раз в жизни я увидел такие красивые торосы. Вот уж не думал, что всего в нескольких десятках километров от Ленинграда существует такая дикая первозданная красота, созданная природными стихиями. На сколько хватало глаз, гряды торосов

простирались на Запад и на Восток. На них мог выйти маршрутом и Юра Ильин.

Через два часа мы собрались на стоянке. У всех поиски оказались безуспешными. Ильин тоже вышел к гряде торосов, и мы пришли к единодушному заключению, что она образовалась при столкновении ледовых полей на месте той большой трещины.

Еще раз вышли на связь и доложили штабу о неутешительных результатах. На совещании решили, что если пропавшие студенты, продвигаясь на Юг, дошли до широтного колена трещины, то искать их следует вдоль нее, либо севернее, если они не смогли переправиться, либо южнее, если им удалось форсировать полынью.

Юрий Тимофеевич предложил рациональную стратегию поиска: я волоком тащу на восток сани со всем нашим снаряжением и каждые два часа выхожу на связь с базовой радиостанцией, а ребята налегке на лыжах делают боковые поисковые маршруты в полосе до десяти километров.

Мне не очень-то нравилось быть вьючным животным, но, но именно радист должен тащить сани и немедленно вызвать вертолет, если кто-то из спасателей найдет пропавших студентов. А если пострадавшим понадобится срочная медицинская помощь, то я был еще и санинструктором. Как раз перед отлетом, в штабе меня проинструктировал медик на предмет оказания экстренной медицинской помощи.

При обморожениях, прежде всего, следовало устранить действие холода и не допустить согревания пораженных участков тела, которые нужно изолировать ватными и марлевыми повязками. Если пострадавший может глотать, его следовало напоить горячим сладким чаем, добавив немного алкоголя. При крайней необходимости проводить искусственное дыхание. Совершенно недопустимо

пытаться «согреть» пострадавшего путем растирания снегом, так как это лишь ухудшит его состояние. Мне выдали несколько индивидуальных перевязочных пакетов и фляжку со спиртом. Я раздал всем по индивидуальному пакету.

Кроме того, я узнал, что при полном голодании, но при наличии воды, человек может прожить более шестидесяти суток, правда в благоприятных климатических условиях. При холоде, сильном ветре, повышенной физической активности, продолжительность «безопасного голодания» сокращалась вдвое. В нашем случае первая помощь голодающим – теплый и сладкий чай. И ни в коем случае не давать твердую пищу. На этот случай я держал в термосе неприкосновенный запас горячего чая.

Как только тронулись в путь, стойки у саней подломились – ребра жесткости из стального уголка оказались непрочными. А на кафедре мы проверяли сани, и они выдержали вес двух человек. Но движение их погубило.

Решили стать лагерем. Ребята снова пошли на лыжах обследовать льды, а мы с Юрием Тимофеевичем остались устанавливать палатку. И тут оказалось, что дюралевые колышки очень трудно вбить в лед и при низкой температуре они стали хрупкими и ломались. Я вспомнил, что дома у меня остались десять альпинистских ледовых титановых крючьев–ледобуров, которые легко вворачивались в лед. Но, как всегда, все самое необходимое остается дома.

Тент палатки, яростно трепало порывами ветра и мы опасались, что при плохо забитых колышках ее может сорвать. Кроме того, ветер задувал под тент и насквозь пронизывал легкую ткань. Юрий Тимофеевич нашел

несколько застругов с плотным слежавшимся снегом и большим тесаком нарезал снежные кирпичи. Мы принялись выкладывать стенку с наветренной стороны палатки. Ветер обжигал лицо и залеплял глаза мелким сыпучим снегом. От перетаскивания снежных кирпичей рукавицы промокли насквозь и пальцы сразу заоченели. Снега хватило только на стену высотой в один метр. Зато под тент ветер не уже не проникал и не мог его сорвать. В палатке стало значительно уютнее.

И тут оказалась, что у палатки сломана центральная молния. Перспектива ночевать в двадцатиградусный мороз в палатке с открытым входом не радовала. Находчивый Юрий Тимофеевич оторвал какую-то тряпку от своих брюк, разорвал ее на тонкие полоски и сделал завязки для входа.

На обед я приготовил макароны со свиной тушенкой. Пока работала газовая плитка, мы подсушили около нее мокрые рукавицы.

Ребята вернулись ни с чем. На последнем сеансе радиосвязи доложили: «Новостей нет, завтра будем двигаться на Восток».

Ночевать впятером в двухместной палатке ужасно тесно, но выручала обсида – полукруглое место в изголовье за стойкой, куда сложили все вещи, чтобы они не мешались под ногами. Я оценил удобную конструкцию палатки и впоследствии сшил себе такую же из парашютного шелка.

Как только выключили плитку, быстро стало холодно. Микляев предложил выпить по чарке спирта для согрева. Но рассудительный Юрий Тимофеевич авторитетно заявил, что в такой мороз на льду пить нельзя, так как можно крепко уснуть и что-нибудь отморозить. Микляев хоть и был командиром, но сразу согласился.

Решили дежурить по два часа. Каждый час дежурному полагалось будить всех, чтобы не допустить обморожения. И в это время разрешалось на десять минут включать газовую плитку.

Юра Ильин рассказал, что горящая парафиновая свеча выделяет около пятидесяти ватт тепла и может повысить температуру воздуха в палатке на три – пять градусов по отношению к окружающей среде. Это уже совсем немало. Поэтому решили всю ночь не гасить две свечи в обсиде палатки.

Все завалились спать. И только Юра Ильин полночи ремонтировал сани. Пилой складного охотничьего ножа он распилил дюралюминиевые лыжные палки, согнул их и укрепил боковые стойки саней. Получилось так качественно, что сани продержались несколько дней.

Всю ночь лед трещал и скрипел. Иногда раздавались глухие удары, будто где-то взрывали лунки – это ледовые поля как литосферные плиты Земли, сдвигались наезжая друг на друга, вызывая разломы и сотрясения льда.

Мне выпала «собачья вахта» – дежурство с четырех ночи до шести утра. Именно в эти часы мой отец любил нести вахту на тральщике во время войны. Но до самого дежурства я так и не смог толком уснуть. Впадая иногда в краткую тревожную дремоту, сразу просыпался от какофонии, которую издавали сдвигающиеся льдины. И холод пронизывал насквозь. Еще никогда в жизни я так не замерзал.

При ночевке на льду человек теряет тепло за счет излучения. В инфракрасном свете он выглядел бы как красное пятно, которое, по мере остывания, постепенно «угасало» на сиреновом фоне. Геофизики рассказали, что даже при температуре плюс двадцать четыре градуса

человек может замерзнуть насмерть, если будет голый неподвижно спать в гамаке.

Когда пришло время зажигать плитку, я вскипятил большую кружку воды и заварил чай. Разбудил ребят и дал сделать им по несколько глотков. Потом выпил сам целую кружку и съел кусочек шоколадки.

Вдруг снаружи раздался отчетливый скрип снега под ногами. Кто-то подошел к палатке и остановился у входа. Я подумал, что к нам на лыжах пришел Виктор Маркелов – мастер спорта СССР по альпинизму, командир поисковой группы скалолазов. Говорили, что для него пробежать на лыжах семьдесят километров в день ничего не стоило. И вчера на связи нас предупредили, что он может к нам забежать. Но почему так рано?

– Подождите, – предупредил я гостя, опасаясь, что он порвет наши хлипкие завязки на входе, – сейчас, развяжу тесемки.

Мне никто не ответил. Снова заскрипел снег под удаляющимися шагами. В недоумении я выглянул наружу. Светало. На Востоке серая дымка уже окрасилась нежными розовыми тонами. Языки поземки волчьей стаей напозлали с Севера, и тщательно полировали и без того гладкий лед. В окрестностях никого живого. Я обошел вокруг палатки. С северной стороны около снежной стенки намело целый сугроб, но вокруг никаких следов. Может, мне показалось?

Тут раздался глухой удар и визг сжимаемого льда. Зигзагообразная трещина, словно молния, пробежала по чистому льду и ушла под нашу палатку. Вода снизу поднялась по плоскости скольжения и трещина потемнела.

Я разбудил ребят и рассказал им про трещину.

– Ерунда, – авторитетно заявил опытный Микляев, – при северном ветре здесь образуются лишь трещины сжатия, а вот при южном ледовые поля сдвигаются и

появляются трещины отрыва. Такие же, как на космическом снимке.

Про таинственные шаги рассказывать не стал.

На завтрак я приготовил кастрюлю пшенной каши со свиной тушенкой и сушеным луком. Ребята быстро позавтракали, напились чаю, встали на лыжи и отправились в поиск.

Свернув лагерь, я уложил все снаряжение на сани и впрягся в лямку. На участках чистого льда, сани двигались легко, но проскальзывали ноги в высоких летних ботинках. А по снегу застругов сани двигались с трудом. Радовало то, что мой путь лежал на Восток вдоль гребней торосов. Но иногда полосы ломаного льда все же преграждали дорогу, и тогда приходилось разгружать сани и все перетаскивать вручную.

После бессонной ночи страшно хотелось спать. Я упорно тащил сани со скоростью не более двух километров в час и практически спал на ходу. Мне даже снились какие-то сны. В результате чуть не проспал сеанс радиосвязи.

Во время очередной короткой передышки я боковым зрением заметил в ближайших торосах какое-то движение. Резко повернул голову, но кругом простирался только безмолвный лед, да ветер срывал с гребней торосов снежные флаги поземки. Никакого движения и, казалось, льды замерли в вечном покое. Я тщательно осмотрел ближайшую гряду. Вдруг в торосах опять появилось какое-то мимолетное движение. Но в этот раз удалось засечь направление. Не отрывая взгляда от подозрительного места в гряде торосов, я снял с плеч лямку саней и отправился на разведку. И тут среди вздыбленных льдин на долю секунды опять возникло темное округлое пятно и исчезло.

Сердце мое радостно заколотилось.

«Нашел, – подумал я, – наверное, кто-то из пропавших ребят лежит в торосах и подает мне сигнал».

Я схватил термос, бинты и побежал к торосам с криком:

– Ребята, держитесь, иду на помощь!

Когда до гряды оставалось метров двадцать, среди ледяных глыб вдруг показалась черная голова нерпы с круглыми выпученными глазами и тут же исчезла. Стало ужасно обидно, что это не пропавшие ребята. Но торосы следовало осмотреть. Среди обломков льда находилась полынья с темной водой, которая еще колыхалась вверх и вниз от нырнувшей нерпы. Я уже развернулся, чтобы идти назад, как вдруг заметил в небольшой пещерке притаившегося белька. Он почему-то имел серый мех и лежал не шевелясь, стараясь ничем не выдать свое присутствие. И лишь испуганный и жалостный взгляд выдавал его страх.

– Не бойся, маленький, лежи, – успокоил я белька, и отправился назад к саням.

Когда я впрягся в ляжку, в торосах вновь показалась голова мамыши нерпы. На прощанье я помахал ей рукой.

Ладожская нерпа является подвидом арктической кольчатой нерпы. Десять тысяч лет назад здесь отступил скандинавский ледник, и Ладога стала самостоятельным водоемом. Так ладожская нерпа оказалась в изоляции. Взрослые особи достигают в длину полутора метров и весят до шестидесяти килограммов. Детеныши появляются в феврале-марте и, возможно, этот белек только что родился. В семидесятые годы еще разрешалась охота на нерпу и ее численность резко сокращалась. Летом нерпа часто попадалась в рыболовные сети, а зимой ее истребляли охотники, браконьеры и волки. Кстати, еще вчера я заметил в торосах звериные следы и с удивлением

подумал, что собаки делают на льду так далеко от жилья. А это, возможно, волки охотились на нерпу.

О своей находке ребятам рассказывать не стал, а то все побегут смотреть белька, и у мамыши от стресса пропадет молоко.

В обед поисковики на удивление быстро меня нашли и вышли точно к стоянке в торосах. Никаких следов пропавших туристов они не обнаружили. После обеда ребята снова отправились в поиск, а я до сумерек тащил сани. На месте будущего лагеря один легко установил палатку и приготовил ужин. Поиски опять оказались безрезультатными.

Вторая ночь в точности повторила первую – грохот и скрип сдвигающихся льдин, и дикий холод от которого невозможно уснуть. И опять «собачья вахта». А после нее мне надо готовить завтрак. Зато ребята могли больше поспать.

Утром я опять впрягся в тяжелые нарты. Скорость движения замедлилась, так как чаще встречались заструги. Путь шел вдоль торосов, вздыбленных над снежной равниной. Время от времени я останавливался, тщательно осматривал причудливо изломанные зеленоватые глыбы льда и удивлялся их неподвижной монументальности. Казалось, ничто на свете не может нарушить «вечный» покой белого безмолвия. Но я точно знал, что через пару недель весеннее Солнце начнет плавить льды, заструги ошестинятся ледяными иглами, а бескрайние поля распадутся на отдельные льдины, которые двинутся по Неве в сторону Финского залива, чтобы там окончательно растаять. Все в этом мире меняется – что-то быстро, а что-то медленно. Приходят и уходят зимы, сменяют друг друга ледниковые эпохи, рождаются и погибают звезды и галактики.

Через пару часов я уже с натугой тащил сани. От постоянного холодного ветра и слепящего отраженного света приходилось все время щурить глаза. Губы обветрились и потрескались. Веки покраснели, а глаза будто запылило песком. Все время клонило в сон, так что иногда я даже засыпал на ходу.

Во второй половине дня мне встретился лагерь туристов. Они тоже обыскивали льды длинными радиальными маршрутами. В небольшой хозяйственной палатке дежурный готовил обед. Он рассказал, что их группа состоит из восьми человек, и я удивился, как они умудряются ночевать в такой крошечной палатке. Оказалось, что вечером, после возвращения всех поисковиков, освобождались лыжи, и при их помощи туристы ставили большую шатровую палатку «Ленинградская». Ее каркас состоял из разборной зонтичной части и лыж, используемых для боковых опор. Сверху на каркас надевалось полотнище без пола.

Дежурный – коренастый парень в длинном пуховике с гордостью сообщил, что в их группе все мастера или кандидаты в мастера спорта по туризму. Я никогда не понимал, почему туристы имеют спортивные разряды, и искренне считал, что люди ходят в походы для удовольствия и единения с природой. Но парень объяснил, что мастера спорта ходят в зимние походы в заполярье по тысяче и более километров. Для получения звания «Мастер спорта СССР» по туризму необходимо не только участие в походах пятой категории, но и руководство такими походами.

Дежурный угостил меня «полярным чаем» добавив столовую ложку спирта в кружку с крепким и сладким чаем. Действительно, такой напиток быстро согрел.

Из поисковых маршрутов на обед возвратились остальные туристы, а я потащил сани дальше. Дежурный

пообещал мне, что на сеансе радиосвязи сообщит о нашей группе. В результате сэкономил полчаса, которые тратил бы на установку радиостанции и антенны.

На следующем сеансе радиосвязи из штаба сообщили, что спортсмены лыжники нашли в торосах вмержший в лед надувной матрас, вероятно принадлежавший пропавшим ребятам. Нашей группе рекомендовали закончить поиски и выходить на маяк острова Сухо.

Об этом острове я кое-что знал. По легенде, корабль Петра Первого наскочил здесь на мель.

«Да здесь сухо!» – воскликнул Император и повелел всем проходящим судам везти сюда камни. Так из волн Ладожского озера возник небольшой каменистый остров Сухо длиной девяносто и шириной около шестидесяти метров. На нем построили маяк, указывающий вход в реку Волхов.

К вечеру меня по следу нашли ребята. Я сообщил им новость и приказ выходить на остров Сухо. Но в сумерках и ночью идти на маяк не решились, так как он и днем не виден. Мы уже собрались разбить лагерь и заночевать, как вдруг на Востоке появился яркий ритмично мигающий свет. Это на Суховецком маяке зажгли фонарь специально для ориентации нашей группы. Решили идти вперед.

Тянуть ляжку саней я предпочитал налегке в суконных брюках и в энцефалитке, под которую надевал тонкий шерстяной свитер. А наши тяжелые летные костюмы обычно лежали на санях. За день поисковики устали, но надели рюкзаки и разобрали часть груза, чтобы немного облегчить мои сани. Мы пошли в ночь на свет маяка. Ребята на лыжах ушли вперед, а я почти бежал за ними, благо сани легко скользили по гладкому льду.

На Востоке появился еще пара слабых немигающих огней, и мы поняли, что кто-то идет к нам навстречу.

Микляев в ответ зажег карманный фонарь. И тут в темноте, я не заметил трещину, затянутую тонким льдом и слегка припорошенную снегом. Лед неожиданно треснул, я рухнул в воду, но успел ухватиться за противоположный край трещины. Сани ринулись за мной и почти нырнули в образовавшуюся полынью, но кто-то из ребят успел их остановить. Меня вытащили из трещины, а сани сломались капитально.

Ребята насухо отжали мои мокрые брюки и я снова их надел. В летные ботинки на высокой шнуровке воды попало немного. Я уже собрался переодеться в летный костюм, как подошла группа спасателей с маяка. Они встревожились, что нас долго нет, и вышли навстречу. Молодые спортивные ребята тут же разобрали наш груз. Безднадежно сломанные нарты пришлось бросить. Меня вообще освободили от ноши и приказали бежать на лыжах к маяку, как можно быстрее, чтобы не замерзнуть. Мокрые брюки сразу превратились в ледовые трубы и трещали при каждом шаге. За час мы пришли на маяк.

Спасатели показали наше место ночлега. В старом кирпичном здании оказалась свободной небольшая комната, раньше вероятно служившая дровяным сараем, так как дверь открывалась прямо на улицу без всякого тамбура. Вдоль стен устроены двухъярусные нары, а у низкого окна стояла буржуйка, труба которой выходила через форточку и торчала снаружи как орудийный ствол.

Сергей помог мне снять заледеневшие брюки, и я надел меховой летный комбинезон. Микляев взялся растапливать печку, но она страшно дымила.

– Колено трубы очень короткое, поэтому тяга плохая, – авторитетно заявил Юрий Тимофеевич.

В геологических экспедициях мне часто приходилось останавливаться в заброшенных домах и при растопке долго не топившиеся печи сильно дымили, так как в

коленах дымохода стоял холодный воздух, и препятствовал тяге. А если пропитанную бензином скомканную газету поджечь и с крыши бросить в печную трубу, то сразу появлялась отличная тяга.

Так поступили и здесь. Микляев с большой неохотой дал немного спирта, которым я намочил клочок бумаги, поджог и сунул в трубу снаружи. Сразу появилась тяга. Печь ровно загудела, распространяя тепло. Мы проветрили от дыма помещение и устроились на нарах.

– Вот что такое настоящее блаженство! – Сергей наклонился над пышущей жаром печью, – Я промерз до самых костей и устал от этого пронзительного холода.

– Теперь нам можно выпить спирту, – утвердительно заявил Микляев, глядя на Юрия Тимофеевича.

– Только с закуской, – согласился Ильин.

Сергей открыл консервы, а Микляев развел спирт. От алкоголя, выпитого на голодный желудок, все сразу окосели.

– Стало еще лучше, – прокомментировал Сергей.

Во время неспешного пересказа экспедиционных баек раздался стук в дверь и пришли ребята скалолазы. Они пригласили нас в здание маяка на сеанс радиосвязи. Пошли мы с Микляевым.

В радиорубке собралось много народа. Все бурно обсуждали новости из штаба поисков. Оказывается, вмерзший в лед матрас спасатели нашли в торосах. Рядом из под льда торчала лыжная палка. Никаких других предметов или людей поблизости не обнаружили. Скорее всего, матрас остался на месте переправы студентов через трещину. Место находки матраса располагалось западнее точки нашей высадки, а мы все время шли на Восток. В штабе решили, сосредоточить поиски в районе обнаружения матраса, так как вряд ли ребята отошли от

этого места. А наши спасательные группы располагались слишком далеко и завтра всех должны эвакуировать вертолетом на берег.

Мы вернулись в сарай. Ребята уже спали на нарах. Печь еле теплилась, и в помещении стало холодно. Я тоже завалился спать.

– А я всю ночь буду печку топить, – пообещал Микляев, – так намерзся за эти три дня, что уже дрожать не могу.

Погружаясь в сон, я слышал как Юра, подкладывая дрова в печь, приговаривал:

– Я сейчас здесь настоящий Ташкент устрою!

Потом Юра выскочил на улицу и хлопнул дверью. И тут произошло невероятное. Печь стала работать в обратную сторону. Дрова еще не успели как следует разгореться. От резко открытой наружу двери воздух в маленьком помещении качнулся, и возникла обратная тяга. В трубу засасывало холодный воздух. Она сразу заиндевелила, а из дырочек в дверце показались язычки пламени. Из всех щелей буржуйки повалил дым. Через минуту стало невозможно дышать.

Ребята проснулись и стали кашлять. Я все еще надеялся поспать.

– Микляев, ты что наделал, – закричал Коля Штерн на Микляева, вернувшегося с улицы.

– Я, ничего, – опешил Юра, – меня здесь и не было.

Помещение быстро наполнялось дымом, и даже открытая дверь не помогала.

– Трубу закройте какой-нибудь тряпкой, она нагреется и тяга восстановится, – посоветовал я, но меня никто не слушал.

Ильин и Микляев стали выбрасывать из печи горящие поленья на улицу. Они падали в снег и яростно шипели.

Я не выдержал, выскочил наружу и заткнул трубу куском войлока. Но тяга не восстановилась.

– Надо снова растопить печку, – предложил Микляев, когда мы проветрили помещение, и холодный воздух опять вошел внутрь.

– Хватит экспериментов, – заявил Юрий Тимофеевич. – Если ночью печь снова выкинет такой финт, мы во сне задохнемся. Давайте спать.

Я сразу уснул едва лег на нары. Но уже через час проснулся от холода. зуб на зуб не попадал. Опять не удалось толком поспать.

Еще не рассвело, когда Микляев не выдержал, и снова растопил печь.

– Не бойтесь, я буду дежурить, – успокоил он всех, – и твои штаны высушу, – добавил Юра уже для меня.

Утром я с трудом открыл глаза. В жарко натопленной комнате у горячей печки на нарах сидел Микляев, распутывал леску в своих рыболовных снастях и явно собирался на подледный лов. Сквозь оттаявшие ото льда стекла ярко светило солнце. Коля Штерн и Сергей отправились смотреть на неразорвавшийся снаряд времен Великой отечественно войны, глубоко застрявший в кирпичной кладке маяка.

Как раз в начале зимы, я второй раз прочитал книгу Николая Чуковского «Балтийское небо» в которой рассказывалось о героической защите острова Сухо от фашистского десанта. А еще раньше об этом ярком боевом эпизоде мне рассказывал отец, воевавший на Балтике зенитным пулеметчиком.

В годы Великой Отечественной войны рядом с островом пролегал морской путь, соединявший блокадный Ленинград с Большой землей. Летом мимо острова двигались катера, пароходы и баржи. Почти ежедневно над маяком происходили воздушные битвы.

С начала войны на острове базировался гарнизон моряков и три 100-мм пушки, которые охраняли ладожскую трассу и прикрывали вход в Волховскую губу и Новую Ладого – главную базу Ладожской флотилии. За четырнадцать месяцев войны батарея острова не сделала ни одного выстрела по врагу. И вот, 22 октября 1942 года гарнизон принял смертельный бой. Немцы начали десантную операцию «Бразиль» в полной тайне подготовленную в Кексгольме (Приозерске) на северо-западном берегу озера. Более тридцати десантных кораблей с сотней артиллерийских орудий – быстроходные баржи, катера и боты, используя ненастную погоду, скрытно подошли к острову и, окружив его полукольцом, собрались высадить десант. Казалось, что при таком перевесе сил успех десантной операции обеспечен.

В то утро южнее острова нес дозорную службу тральщик Ладожской флотилии «ТЩ-100» под командованием старшего лейтенанта Петра Константиновича Каргина. Старенький буксирный пароход, вооруженный двумя 45-мм пушками и тремя пулеметами, неожиданно для врага на полном ходу вышел из-за острова и открыл огонь по десантным кораблям. С первых же выстрелов загорелся головной немецкий корабль и на нем взорвались бензобаки. Пожары от прямых попаданий снарядов вспыхнули на нескольких десантных баржах. Немцы сначала опешили от такой наглости, и тут же ответили ураганным пушечным огнем, по тральщику, но из-за сильного волнения попасть в корабль не смогли. В это время батарея острова открыла ответный огонь по врагу и с первых выстрелов подбила три десантных судна. А тральщик тем временем, уклоняясь от снарядов, скрылся за островом. Но один снаряд все-таки попал в корабль и нарушил радиосвязь.

Когда фашисты перенесли огонь своих орудий на батареи, из-за острова снова вышел бесстрашный тральщик и принял неравный бой. Он совершил невероятное, и, проплывая на полной скорости вдоль строя барж и катеров, стрелял по ним из орудий и пулеметов. Казалось, что в этот раз ему не уйти от града снарядов, вода вокруг кипела от разрывов. Несколько снарядов попало в корабль, но машины и орудия не пострадали. Катер снова ушел за остров. Радист тральщика наладил радиосвязь и сообщил в штаб флотилии о фашистском десанте и начале боя за остров Сухо.

Батареи острова вели отчаянный огонь по врагу и подбили несколько десантных барж. Но врагам все же удалось высадить десант в северной части острова. На позициях двух орудий вспыхнул яростный рукопашный бой, и фашистов сбросили в ладожскую воду.

Тральщик в третий раз вступил в неравную схватку. И тут ему на помощь подошел морской охотник «МО-171» под командованием старшего лейтенанта В.И. Ковалевского. Катер имел такое же вооружение, как и тральщик.

Чтобы не попасть по своим десантникам немцы перенесли весь огонь на наши корабли. Морской охотник, не прекращая огня, закрыл тральщик дымовой завесой. И тут, несмотря на низкую облачность, на помощь гарнизону пришла наша штурмовая авиация. Вражеские корабли стали поспешно отходить, а десантники покинули остров и бросились назад к своим баржам. В это время к месту боя подошли два отряда кораблей Ладожской флотилии и огнем своих орудий потопили еще несколько судов. Быстроходным немецким судам удалось оторваться от преследователей, и они скрылись в сером ненастье штормовой Ладоги. До самого конца войны немцы не

предпринимали активных боевых действий на Ладожском озере.

А героический тральщик «ТЩ-100» после войны еще долго работал буксиром в рыболовецкой артели.

Рассказывая про этот боевой эпизод, мой отец, так воодушевлялся, как будто это его тральщик бесстрашно сражался с тридцатью кораблями противника, вооруженных почти сотней орудий, будто он в яростной рукопашной схватке сбрасывал фашистских десантников в ладожскую воду.

«Это же тральщик Ладожской флотилии, а не Балтийского флота», – возражал я.

«У нас был один враг и одна победа на всех!» – с гордостью отвечал отец.

Раздался гул мотора и над маяком пролетел вертолет. Он заложил вираж и совершил посадку на прочный лед в бухте острова. Мы с Микляевым вышли посмотреть.

К вертолету бежали спасатели с рюкзаками и лыжами, уверенные, что это прилетели за ними. Но штурман руками показал им, чтобы они не подходили к машине. От маяка к вертолету выстроилась очередь спасателей с рюкзаками. Они по цепочке передавали какую-то команду. Ближние к нам ребята вдруг обернулись и закричали:

– Геологи, это за Вами. Быстро собирайтесь.

Мы сначала даже не поверили такому почету, но потом бросились в сарай, схватили вещи и побежали к вертолету. Как только загрузились в машину, борт сразу взлетел.

Вопреки нашим ожиданиям вертолет полетел не на материк, а взял курс на Север. Над полями битого льда машина повернула на Запад, потом на Юг, пролетела над палаточным лагерем и вдруг совершила посадку на лед.

– Выгружайтесь, быстро! – прокричал штурман под рев мотора.

Под вращающимися лопастями мы послушно выгрузили снаряжение и выпрыгнули на лед сами. Вертолет сразу взлетел и сделал над нами круг. Потом улетел на Восток. Мы подумали, что это временная остановка и сейчас вертолет прилетит за нами и заберет. И тут мы заметили на льду брезентовый мешок от спальника. Сверху лежал листок бумаги.

«Геологи, Вам надо двигаться на Север к месту находки матраса в торосах. Завтра желательно организовать поиски в окрестностях. Мешок верните в штаб. Удачи!»

В мешке лежали консервы, шоколад, два батона ветчинной колбасы, сало и несколько буханок хлеба.

Разобрали по рюкзакам снаряжение, и мне достались радиостанция и газовый баллон. Встали на лыжи и отправились на Север. Юрий Тимофеевич ворчал, что напрасно бросили сани, он смог бы их починить.

Еще издали заметили у гряды торосов группу ребят. Они вырубали изо льда красный надувной матрас. Меня удивило, что матрас вмерз в лед вертикально. Наши ребята оставили вещи и отправились в поиск на окружающей территории. Я остался помогать трем спасателям, вырубать матрас изо льда. Рядом с красным матрасом оказались еще два, а так же лыжи, зимняя шапка и меховая рукавица.

При форсировании трещины ребята связали за бока два матраса и в поперечные сгибы уложили лыжные палки, а вдоль матрасов четыре лыжи. Так, что получившийся плот не сгибался ни вдоль, ни поперек. Затем сверху посередине укрепили третий матрас, на который ложился человек и, гребя лыжей, переправлялся через трещину. Товарищи страховали его фалом – толстой рыболовной леской, при помощи которой они, после переправы, тянули плот назад и вновь нагружали его. С другой стороны турист перетягивал к себе грузеный плот за вторую леску. И так

плот таскали туда сюда, пока не переправляли груз и людей.

Все было сделано очень грамотно. Не зря студент химик имел удостоверение инструктора по туризму. Но длинна рыболовной лески обычно сто метров, а ширина трещины достигала нескольких сотен – весьма серьезная водная преграда для такого способа переправы. Скорее всего, кто-то сорвался с плота в момент переправы, а остальные утонули при попытке его спасти. После того как ледовые поля сошлись, плот оказался вздыбленным и вмерз в лед среди гряды торосов.

К вечеру мы вырубали изо льда вещи пропавших ребят. Поблизости от раскопок я поставил палатку и приготовил на ужин макароны с жареной колбасой. Вскоре после безрезультатных поисков возвратились ребята.

К нам в палатку пришли спортсмены лыжники и пригласили делегатов на общий совет. Пошли мы с Микляевым.

В шатровой палатке «Ленинградке» набралось много спасателей. Мы с Юрой скромно присели у входа. Ребята обсуждали план завтрашних действий. Все склонялись к тому, что студенты утонули при переправе через трещину, и продолжать поиски не имеет смысла. От тепла и постоянного недосыпания я задремал, но в полусне услышал, что приняли решение всем группам самостоятельно выходить в Дубно.

– В какое Дубно, – спросонок не понял я, – в котором атомный реактор?

– Да, ускоритель, – ответил кто-то под общий смех, – до Москвы на лыжах дойдешь?

– Дубно это поселок на южном берегу Ладожского озера, недалеко от мыса «Орел», между Староладожским и Новоладожским каналами, – разъяснил мне Микляев на обратном пути к нашей палатке. – В этом поселке

находится база охотников и рыболовов. А вечером нас оттуда заберет университетский автобус.

– Что за каналы такие, я никогда не слышал.

– Два параллельных канала вдоль берега Ладожского озера соединяют реки Волхов и Нева. Староладожский канал построен еще при Петре Первом. В настоящее время он зарос и пересох. А Новоладожский канал прорыли в прошлом веке и он используется.

– Зачем рыть каналы, когда проще и быстрее плыть по озеру.

– Ладожское озеро – самый трудный и опасный участок на пути из Балтийского моря на Волгу. Из-за частых штормовых ветров на озере гибли сотни кораблей с грузом. Поэтому и вырыли каналы.

Вернувшись в палатку, мы пересказали ребятам решение совета.

– Сначала выйдем на поселок Лигово, – объявил Микляев, показывая маршрут нашего движения по карте, – а там, быть может, нам повезет и в Дубно по Староладожскому каналу пойдет санная повозка.

Утром сняли палатку и распределили груз. Мне досталась рация и газовый баллон. В рюкзаке под спину я подложил меховые штаны и куртку. Остался в энцефалитке одетой на тонкий свитер и в брюках. В такой одежде, да еще на ветру замерзаешь мгновенно, но когда бежишь с грузом, то быстро согреваешься. Известно, что в состоянии покоя человек выделяет до ста пятидесяти ватт тепла, как обычная лампочка, а во время работы количество выделяющегося тепла увеличивается, и кузнец вырабатывает уже 900 ватт, как хороший прожектор.

Путь до базы охотников и рыболовов в Дубно около тридцати километров. В хорошем темпе прошли по льду пятнадцать километров. Я шел без лыжных палок, которые

Ильин распилил на стойки для саней, и так устал, что хотелось лечь на снег и уснуть. Особенно меня выматывал газовый баллон. Привязанный снаружи к рюкзаку он болтался в разные стороны. Когда вышли к поселку Лигово, силы мои иссякли полностью. Втайне я рассчитывал на попутные сани. Но деревня оказалась такой глухой, что каким-то хозяйством, а тем более лошадьми и санями тут и не пахло. На льду Староладожского канала лежал нетронутый снег. Обманул нас командир.

Устроили небольшой привал. На плитке я вскипятил воду для чая и сделал огромные бутерброды с хлебом и колбасой.

Страшно не хотелось снова вставать на лыжи и тащить этот идиотский баллон. У меня даже появилась мысль от него незаметно избавиться – здоровье дороже. Внутренний голос вкрадчиво советовал оставить его здесь в деревне у крыльца какого-нибудь дома. Вот хозяева весной обрадуются такому подарку. Когда я с трудом поднимал тяжелый рюкзак с рацией, одеждой и остатками продуктов, Микляев словно прочитал мои мысли, подошел и решительно забрал газовый баллон к себе в рюкзак. Я сделал протестующий жест, но не настолько энергичный, чтобы Юра вдруг не передумал.

Идти без баллона, да еще подкрепившись, стало значительно легче. Но через пару километров снова навалилась усталость – ноги и плечи налились свинцом. Оставшийся путь по льду канала я прошел на автопилоте. Лыжный пробег в Дубно оказался одним из самых тяжелых испытаний в моей жизни.

Наконец, обессиленные мы рухнули на крыльце рыболовно-охотничьей базы. Микляев поднял всех на ноги и приказал войти в помещение.

Навстречу из дверей вышел какой-то мужчина в ватнике с откровенно простонародной внешностью, и, заглядывая нам в глаза, с надежной спросил:

– Как, ребята, никого не нашли?

– Нет, отец, – ответил я.

– Ты знаешь, кто это? – спросил меня Микляев в коридоре.

– Нет, а что?

– Это отец пропавшего студента Георгий Васильевич Молочнов, заведующий кафедрой физики Земли и директор НИФИ Ленинградского университета.

– По специальности он геоэлектрик и доктор физико-математических наук, – добавил Коля Штерн.

– И участник Великой Отечественной войны, орденоносец, и майор в отставке, – закончил Микляев.

Вот уж не думал, что так простенько выглядит доктор физмат наук и директор научно-исследовательского института.

Мы сложили рюкзаки и лыжи под лестницей и поднялись на второй этаж. В прихожей на столах лежали стопки плиток шоколада «Аленка», батоны колбасы «Ветчинная», хлеб, консервы и всякая другая еда. В коридорах и прямо на полу в спальнях мешках лежали какие-то люди. Оказалось, что это альпинисты и туристы с маяка острова Сухо. Они вышли на берег раньше нас и уже целые сутки ждали университетский автобус, который должен вывезти поисковиков в Ленинград. В комнатах отдыха стояли железные кровати, аккуратно застеленные одеялами, но никто на них не лежал. И только Микляев сразу завалился на койку и попытался заснуть. Над его головой я заметил предупреждающую табличку для нерадивых рыбаков и охотников:

«В верхней одежде на кроватях не лежать!»

– Микляев, ты посмотри, что над твоей головой написано, – растолкал я командира.

Юра очнулся, прочитал надпись на табличке и с ухмылкой ответил:

– А я в исподнем!

– В комнату отдыха заглянул Георгий Васильевич Молочнов и, увидев нас, пригласил:

– Ребята, идите, поешьте горячего, я только что приготовил.

Отец пропавшего студента все время сидел на этой базе, встречал поисковые группы и кормил ребят обедами.

Георгий Васильевич наварил целое ведро картошки с тушенкой. После обеда я переоделся в меховой костюм, присел в коридоре и, прислонившись к шкафу, мгновенно уснул.

Только ночью за нами пришел университетский автобус. Я вышел с рюкзаком одним из последних и встал в очередь на посадку. В автобусе все сидячие места уже заняли альпинисты, а проход завален лыжами и рюкзаками.

– Всеми кто сидит убрать рюкзаки и освободить проход до конца посадки, – скомандовал руководитель скалолазов. Ребята послушно подняли свои вещи. Я ринулся в освободившийся проход и оказался в районе задних кресел. Пристроившись между двух чужих рюкзаков, лег на пол и сразу уснул. Автобус тронулся, и двигатель машины ровно загудел. А мне снилось, что я тащу невероятно тяжелые нарты среди хаоса изумрудно зеленых ледяных глыб и сплю на ходу.

Неожиданно автобус остановился. Сквозь дрему проникли возбужденные голоса спасателей, но меня никто не трогал. Машина застряла на переметенной снегом дороге, и спасатели дружно выскочили толкать автомобиль. И только я не смог побороть сон и остался

лежать в проходе, а спасатели переступали через меня и чертыхались. Даже презрительные и ехидные насмешки внутреннего голоса не смогли вырвать меня из объятий Бога сновидений Морфея. Он шептал мне, что я тоже работаю – упираюсь, как ишак, тащу груженные сани.

Спасатели дружно заорали, и освобожденный из снежного плена автобус, выкатил на трассу Мурманск-Ленинград. Разбудили меня около самого дома на улице Седова. В полусонном состоянии я вошел в квартиру, поставил в прихожей тяжеленный рюкзак и, рухнув на тахту, проспал целые сутки.

Во второй половине дня, едва очнувшись от спасательной экспедиции, я поехал в университет вернуть на военную кафедру рацию. Еще хотел уговорить коллег сходить в парную баню – организм требовал большого тепла. По пути зашел в штаб поисков узнать новости. Пропавших студентов так и не нашли. Ко мне снова пристала Лариса Васильевна с просьбой организовать еще одну группу для поисков на льду. Общее мнение о том, что ребята, скорее всего, утонули при переправе, она разбила одним доводом:

– Врачи говорят, что ребята еще могут быть живы, и пока не нашли их тела они будут считаться пропавшими без вести. Кто-то должен их искать, а то, после находки матрасов, все спасатели разбежались. Анатолий, у тебя уже есть опыт поисков на льду, ты санинструктор, радист и радиостанция при тебе. С вашим директором и Воиновым я договорюсь.

Я вдруг вспомнил глаза Георгия Васильевича Молочнова, когда он встретил нас на крыльце, и согласился идти на лед. А в способностях Ларисы Васильевны договариваться и убеждать людей, я никогда

не сомневался. Она и мертвого уговорит от пола отжиматься.

Воинов Александр Сергеевич руководитель хоздоговорной научно-исследовательской темы, на которой я работал младшим научным сотрудником, сразу согласился отпустить меня на лед еще на неделю.

На кафедре Борис Стародубцев и Костя Степанов стали расспрашивать о результатах спасательной экспедиции. Я тут же пригласил их отправиться со мной на лед. Мы пошли в штаб.

Тем временем, Лариса Васильевна уговорила еще трех физиков принять участие в спасательной экспедиции: Юру Новикова, Алешу Миронова и Сашу Попова.

– Отличные ребята, – откомендовала она физиков.

«Конечно, – прокомментировал мой внутренний голос, – разве плохие люди пойдут на лед мерзнуть просто так, они любят деньги и тепло».

Саша Попов два раза зимовал на Земле Франца-Иосифа, поэтому дружно избрали его командиром. Саша относился к замечательному типу людей, которые сразу вызывают безоговорочное уважение. А меня, как самого опытного поисковика, опять назначили поваром, радистом и санинструктором. Наша стратегия заключалась в том, чтобы с базового лагеря в районе находки матрасов тщательно обыскать окрестные льды.

Рано утром старенький университетский автобус повез нашу группу в поселок Осиновец на западном берегу Ладожского озера. Вдоль шоссе стояли километровые столбы в виде бетонных обелисков с надписью «Дорога Жизни». На четвертом километре, на искусственном холме возвышался мемориал «Цветок Жизни», посвященный детям блокадного Ленинграда – бетонная стела в виде

цветка высотой пятнадцать метров. По лепесткам цветка сделана надпись: «Пусть всегда будет солнце».

– А по весне на эти белые березки у памятника повязывают алые пионерские галстуки, – рассказал нам шофер автобуса, – очень красиво и трогательно.

В Осиновце нас встретил молодой парень сотрудник университета и разместил в здании у подножия маяка. Командир ушел к рыбакам договариваться насчет снегохода, с помощью которого планировал забросить на лед наше снаряжение.

Встречавший нас парень оказался радистом, который поддерживал радиосвязь с поисковыми группами на льду. Его позывной «Берег-1». Он предложил мне оставить старый позывной «Озеро – 7». К тому времени на озере находились только две поисковые группы.

Базовая радиостанция помещалась на маке и через временную телефонную линию работала на прием. Не поднимаясь на маяк, радист мог прослушивать сообщения от радиостанций поисковиков. Один раз в четыре часа он поднимался на маяк и выходил на двустороннюю связь.

Оказалось, что снегоходы рано утром ушли на Ладогу к рыбакам и вернуться не раньше обеда. Радист предложил нам подняться на маяк, что простым смертным недоступно.

Осиновецкий маяк, построенный в начале двадцатого века – один из самых высоких в Европе. Огонь фонаря его семидесятиметровой башни виден за сорок километров. С апреля по ноябрь в темное время суток 500-ваттная лампа загорается каждые четыре секунды. 366 ступеней винтовой лестницы освещаются от нескольких десятков узких окон, расположенных в башне по спирали.

В экскурсию на маяк пошли я и Костя Степанов. Подъем оказался неожиданно трудным, и для передышки сделали пару остановок. Над Ладогой как всегда стояла дымка, и виднелись только домики внизу.

Потом мы отправились в недавно открытый филиал Центрального военно-морского музея «Дорога жизни». Экспозицию составляли корабельные флаги и боевые знамена, оружие и модели кораблей, самолетов, автомашин, участвовавших в перевозках; документы и фотографии. Вокруг здания стояла настоящая боевая техника — два судна, военно-транспортный самолет ЛИ-2, корабельные артиллерийские орудия.

Мы узнали, что уже через три дня после начала блокады в Осиновецкую бухту вошли первые суда с грузом зерна и боеприпасов. Их разгружали на шлюпки и плоты. Вскоре землечерпалками углубили дно, оборудовали причалы и подвели к ним железнодорожные ветки. Так заработала Осиновецкая военно-морская база Балтфлота.

Пока мы гуляли, Боб Стародубцев приготовил на обед картошку со свиной тушенкой, но поесть нам не удалось. Прибежал командир и объявил срочный выход на лед. Снегоход с прицепами отвезет наше снаряжение — палатки, спальные мешки и продукты на место базового лагеря. А нам предстояло бежать налегке на лыжах по следу снегохода. На «Буране» пассажиром на заднем сиденье отправился один из физиков. Маршрут снегохода лежал на Восток — пятнадцать километров до острова Кареджский, затем поворот на Север, еще пятнадцать километров до района торосов, образовавшихся на месте широтной трещины. Там планировалось разбить лагерь.

Самодельные прицепные сани представляли собой железную квадратную раму с натянутой сеткой, поставленную на лыжи. Нагрузили наше снаряжение и кастрюлю с картошкой.

Буря взревел двигателем и лихо умчался в ледовую дымку. Мы встали на лыжи, и пошли по его следу. Первые пять километров пробежали легко, минут за сорок,

несмотря на то, что все, кроме командира, шли на простых солдатских лыжах с полужесткими креплениями. Такие лыжи изготавливались из цельного куска дерева в массовом порядке. В народе их называли «дрова».

Наш маршрут проходил точно по ледовой Дороге жизни. В первую блокадную зиму по ней в Ленинград доставили сотни тысяч тонн грузов: боеприпасов, взрывчатки, горючего, продовольствия, шесть стрелковых дивизий и танковую бригаду. Одновременно эвакуировали более полумиллиона человек. И сейчас где-то подо льдами на дне лежали утонувшие автомашины, катера и баржи, занесенные илом снаряды и бомбы. Только за первые две недели работы ледовой дороги полностью или частично затонули 126 автомашин. А с южного берега непрерывно била тяжёлая фашистская артиллерия и налетала бомбардировочная авиация. Несколько раз фашисты пытались перерезать магистраль высадкой десантов.

Буря с пустыми санями на прицепе встретился нам еще до поворота на Север. После десяти километров пробега мы уже порядком устали и мечтали, что снегоход развернется и подвезет нас до базового лагеря. Но водитель сказал, что у машины барахлит мотор, и если на обратном пути он заглохнет, то ему придется туго. Мы с сожалением проводили глазами снегоход, быстро пропавший в дымке.

На место лагеря прибежали за двадцать минут до сеанса радиосвязи. Физик, который сопровождал наше снаряжение на снегоходе, уже подготовил рацию и натянул антенну. Еще он вскипятил воду и заварил чай.

После изнурительного бега все страшно устали. Четыре дня назад я уже имел опыт тридцатикилометрового пробега с рюкзаком и тяжелой радиостанцией за плечами. Но устал не меньше других.

Костя Степанов стоял, опершись на палки, и буквально задыхался.

– Никогда не думал, что могу так лихо пробежать на лыжах без тренировки тридцать километров. Завтра все тело будет ломать, – произнес Костя, едва отдышавшись.

– Ты же боевой офицер, – напомнил я Косте, – разве у вас в полку не было физической подготовки.

После окончания университета Костя служил два года офицером в артиллерийском полку.

– Даже соревнования были, – вздохнул Костя, – и мы с Лапшиным заняли первые места по кроссу.

– Неужели Сергей такой крутой спортсмен? – не поверил я.

Сергей Лапшин тоже заканчивал кафедру геологии и поисков месторождений радиоактивных элементов и служил лейтенантом в одном полку вместе с Костей.

– В артиллерии побеждает не тот, кто физически сильнее, а тот, кто находчивее, – Костя наконец-то отдышался, – нам, офицерам двухгодичникам предложили на выбор: бежать стометровку или кросс три километра. Ну, а какие из нас с Лапшиным спринтеры, мы и выбрали кросс. На другой день Серега нанял у местных жителей лошадь с повозкой. Полковник лично дал нам старт и включил секундомер. Мы забежали за поворот, где нас ждала повозка, запрыгнули на нее, и возница стал нахлестывать лошадь. С лихостью сделали круг, а у поворота, пока нас не заметили, соскочили и, задыхаясь, прибежали на финиш.

«Молодцы! – похвалил нас полковник, глядя на секундомер, – Все нормативы побили! Слава Богу, теперь есть, кого выставить на первенство округа. За высокие результаты в физической подготовке объявляю вам благодарность!»

«Служим Советскому Союзу!» – бодро ответили мы с Лапшиным, демонстративно задыхаясь.

– И как выступили на округе?

– А мы оба внезапно заболели гриппом.

Я тут же рассказал историю о том, как мой брат в студенческие годы в Горном институте сдавал лыжный кросс на норму ГТО «Готов к труду и обороне». Студентов бежало человек сорок, и после второго круга четверо спрятались за трансформаторной будкой. Стоял крепкий мороз. Судьи грелись водкой и даже не отмечали номера пробегающих лыжников. А брательник шел вторым за кандидатом в мастера спорта и страшно этим гордился. На последнем круге, брат уже собрал последние силы, чтобы догнать и обогнать лидера. И тут парни, которые сачковали и курили за трансформаторной будкой, спросили:

«Какой круг идем?»

«Последний!» – сообщил брательник.

Ребята выскочили на лыжню и со свежими силами помчались на финиш, опередив даже кандидата в мастера.

Брат чуть не заплакал от обиды. И тут еще оказалось, что никто норматив не выполнил, так как судьи ошиблись и заставили студентов пробежать лишний круг. Узнав про это, кандидат в мастера спорта буквально впал в истерику и хотел набить морду главному судье.

– Радист! – окликнул меня командир, – Ты сюда приехал байки травить? Связь прозеваешь.

Связь наладили быстро. Я сообщил, что мы прибыли на место базового лагеря и других новостей пока нет.

До темноты установили палатки и наконец-то съели картошку с мясом.

Боб Стародубцев достал из рюкзака плоскую фляжку со спиртом, который он ласково называл «хищенка», и предложил всем выпить по «наркомовской сотке», как на

фронте в Великую Отечественную войну. Физики оживились и с явным пониманием отнеслись к такому предложению.

На всякий случай я предупредил, что в первой экспедиции на льду мы спирт не пили, опасаясь в сильный мороз крепко уснуть и что-нибудь отморозить.

– Тогда и мы не будем пить, – авторитетно заявил командир.

Боб с сожалением убрал флягу в рюкзак.

Геологические байки – неотъемлемая часть любой экспедиции. И ребята физики оказались с нами «одной крови». Часа два мы травили разные истории.

– Какая у геологов веселая работа, – с завистью произнес Юра Новиков, – сплошные байки и анекдоты.

– Не зря Лариса Васильевна в свой отпуск устраивается в геологические экспедиции поварихой, – добавил Саша Попов.

– Лариса Васильевна уже два года подряд с нами на Урал ездила, – уточнил Боб Стародубцев.

– А когда же вы работаете? – искренне удивился самый младший и самый серьезный из физиков Алеша Миронов,

– В перерывах между ними, – нашелся Боб.

– Зато физики, вечно упертые на работу, – мне стало обидно за Мать Геологию. – Один физик говорит своему коллеге: «Хорошо, все-таки иметь любовницу. Жене говоришь, что пошел к друзьям, друзьям говоришь, что пошел к любовнице, любовнице говоришь, что пошел к жене. А сам в лабораторию и работать, работать, работать!»

– Все, мужики, отбой, завтра рано вставать, – распорядился командир. – Если ребята еще живы, то счет для них идет на часы, – поэтому выходим искать на рассвете.

Мешки из верблюжьей шерсти очень теплые, но к утру все основательно замерзали. После «собачьей вахты» я готовил завтрак и выходил на связь. Ребята завтракали и уходили в поисковые маршруты. Чтобы не сидеть в лагере, когда ребята пробегали на лыжах десятки километров, я обследовал окрестности, не пропуская ни один подозрительный бугорок. Затем опять связь, обед, краткий поиск и ужин. Никаких следов пропавших студентов мы не нашли.

Несколько дней поисков прошли однообразно и безрезультатно.

Костя Степанов пожаловался мне как санинструктору, что уже три дня не может справиться с нуждой, и попросил какие-нибудь таблетки от запора. Я объяснил ему, что при тяжелых физических нагрузках практически вся пища сгорает полностью и шлаков не остается.

– Слабительного у меня в аптечке нет, но, в крайнем случае, я знаю очень эффективный способ лечения запоров испугом, – успокоил я Костю.

На другой день утром Костя, наконец-то разрешился от мучительного бремени и вернулся из торосов подпрыгивая, радостный и какой-то просветленный.

– Презрев пургу, презрев мороз,

Мы ходим с... в большой торос!

С чувством выкрикнул он.

– Только в суровых условиях рождается высокая поэзия, – похвалил Костю один из физиков, страдавший тем же недугом и которому я также предлагал кардинальное лечение испугом.

В начале марта опять ударили морозы, но не надолго и началась оттепель. Ветер сменился на юго-западный и ожидался отрыв льда в южном секторе Ладоги. Нашу группу решили эвакуировать вертолетом.

Накануне отлета ночевали в одной палатке, а вторую сняли. Перед сном мы яростно спорили, обсуждая какие-то политические вопросы, как вдруг снаружи раздался громкий скрип снега под ногами. Кто-то подошел к палатке и остановился у входа.

Все сразу замолчали, ожидая, что сейчас откинется полог и войдет гость.

– Заходите, – пригласил командир.

Но никто не вошел.

Костя выглянул наружу и никого не обнаружил. Боб Стародубцев не поленился и вылез из палатки.

– Никого нет, и никаких следов, – в недоумении сообщил он.

Я рассказал, про тот непонятный случай во время моей первой ледовой экспедиции, когда тоже слышал скрип снега и подумал, что к нам пришел альпинист Маркелов.

– Тогда понятно, – засмеялся командир, – на льду еще осталась поисковая группа альпинистов, а рядом с этими ребятами вечно бродят какие-то духи типа «черного альпиниста».

– Почему альпинист черный? – наивно спросил Алеша.

– Есть такая легенда об альпинисте, который с промежуточного лагеря пошел вниз за хлебом для группы и не вернулся, замерз в снегах, высох на ветру и почернел на солнце, – с готовностью рассказал Саша. – Но душа его не успокоилась и ходит по ледникам, все ищет хлебушка, и несчастье будет тому, кто ему хлебушка не подаст.

Юра Новиков тоже зимовал на Земле Франца-Иосифа и вспомнил, что вновь приехавшим сотрудникам обязательно рассказывали похожую байку о «черном полярнике». А ночью, когда молодые засыпали, кто-нибудь из старичков скрипучим голосом просил: «Подайте хлебушка!»

Утром по радиации сообщили, что за нами вылетел вертолет Ка-26, и предупредили, что к машине нельзя подходить до полной остановки винтов. Ледовая обстановка становилась напряженной – от западного берега оторвало льдину с четырьмя сотнями рыбаков. На их эвакуацию направили вертолет МИ-6, который забирал со льдины сразу по пятьдесят человек.

Мы свернули лагерь и ждали борт. Вокруг стояла привычная дымка, но поднимающийся ветер стал ее быстро разгонять. Наконец раздался шум двигателей вертолета и Ка-26 с грузопассажирской кабиной прошел в стороне, нас не заметив. Второй раз он летел уже ближе. Мы зажгли фальшфейер и запустили ракету, но летчики опять пролетели мимо. И только третий раз машина вышла точно на нас и вертолет сел.

Мы быстро загрузились, борт взлетел и взял курс на Запад. Грузопассажирская кабина оказалась очень уютной и комфортабельной, не то, что в МИ-4. Из окон просматривался только участок льда непосредственно под нами. Окрестности скрывала дымка, которую уже разорвал на отдельные блоки поднявшийся сильный ветер.

Вдруг в просвете дымки мы увидели большой вертолет МИ-6, который загружал рыбаков на оторвавшейся льдине. При этом рыболовные ящики – баяны и ледобуры, брать с собой не разрешалось и кругом валялось рыбацкое снаряжение. Весной, когда лед растает, все оно утонет и ляжет на дно вместе с остатками машин на Дороге жизни. Уже при подлете к берегу, мы увидели трех рыбаков, которые, как отбившиеся от стаи волки, быстро продвигались к берегу. От суши льдину отделяла большая промоина метров сто шириной. Вертолетчики решили совершить посадку и подобрать рыбаков, но те, зная, что придется бросить снаряжение и улов, смело, как лоси, полезли в воду и по грудь побрели к берегу.

– И чего испугались, – удивился штурман.

– Наверное, штраф платить не хотят, – усмехнулся Костя.

– Никогда еще ни с одного рыбака не удалось получить штраф, – махнул рукой штурман.

На аэродроме нас ждал автобус, и мы стали загружаться. Тут совершил посадку вертолет МИ-6 и к нему по летному полю ринулся милицейский газик. Открылась дверь кабины вертолета и из нее посыпались рыбаки, которые быстро как тараканы разбежались в разные стороны.

Пропавших студентов так и не нашли. Вначале поисковых работ я с предубеждением относился к походу ребят и считал его опасной авантюрой. Но пребывание на ладожском льду поколебало мое негативное мнение. Я понял, что ребята отправились в поход за романтикой – лирическим мироощущением, возникающим при созерцании природных стихий и преодолении трудностей. По духу они были мне гораздо ближе, чем великие путешественники, стремившиеся к личной славе.

Конечно, ребят сгубило то, что они не остались на месте ждать закрытия трещины, а предприняли активные действия по поиску выхода. Но, поразмыслив, над ситуацией, я понял, что, оказавшись на их месте, тоже не смог бы сидеть и ждать.

Уже тогда на льду у меня вдруг появилась мечта – в одиночку пересечь по льду зимнюю Ладогу. Для этого трансладожского маршрута я даже выбрал направление – по прямой линии: от Приозерска, через Валаам до города Питкяранта.